СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЕСЕННИЙ

4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 17 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

СЕЗОННЫЙ КОШМАР

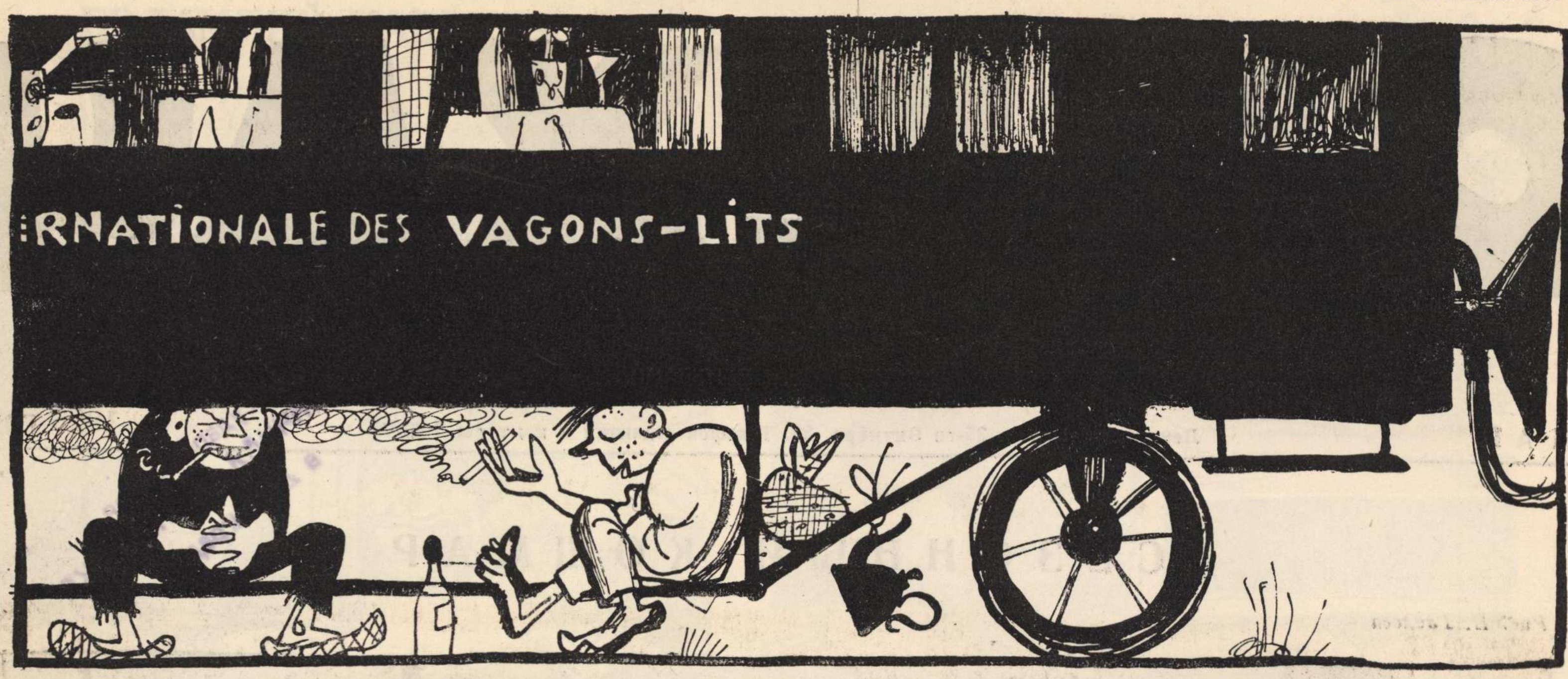
Рис. Н. Радлова



ВЕСЕННЕЕ ПОЛОВОДЬЕ

ТЯГА НА ЮГ

Рис. Б Малаховского



— Я, Мишка, к хорошей жизни привык: кажинный год на курорт под спальным вагоном ездию.

ВЕСНА-КРАСНА

I

ВООБЩЕ

Союз взлохмаченный, со сна,
Вопит неистово — Весна!

Весна раскрыла ложесна,
И сердце вспухшая десна
Зудит, щемит, а даль ясна,
И ночь без тьмы, и дни без дна...

Во всей республике одна,
Обворожительна, грустна,
Стучится по дворам весна...

II

И В ЧАСТНОСТИ

Идет, грядет, бежит по розам,
По «перспективам» и мостам,
По Промбюро и Совнархозам,
Грозя и центру и местам.

Ее уста благоуханны,
Но в страхе ежатся сердца,
И никнут в трестах «богдыханы»
И ждут нещадного конца.

Подмыты мутными речами,
Бумаг встревоженных снега
Сбегают днями и ночами
На канцелярские луга.

Феликс! Феликс! Ты хмуришь брови?
Один, со связкою ключей,
Глядишь в распутицу суровей
На рой прожорливых рвачей.

О, эконом-весны поэты!
Взгляните искоса, дрожа,
Как лезут горестные сметы
Под взмах дзержинского ножа!!

Весна! Твоим проникшись духом,
Твоим отдавшийся сетям,
Наличность пропустивши пухом,
Кассир бежит ко всем чертям.

Весна! Взбираешься по кручам,
Бредешь в озимые поля,
Глядишь в лицо бюджетным тучам
И протестуешь векселя...

Весна-Красна! Ты всех превыше,
Но... тише... Час любви настал:
Кооперацию под крышей
Целует частный капитал!!

Александр Флит

ЖУТКАЯ ВЕЩЬ

Одна чрезвычайно жуткая мысль пришла мне в голову, и весь я немедленно покрылся холодным потом. Я подумал:

— Что было бы у нас в провинции с Весной, если бы это лучшее время года было живым человеком? Ужас! Ужас! Ужас!

1. Прежде всего, Весна вышла бы к нам не в апреле, а в октябре предыдущего года, но пользы нам от этого не было бы никакой. Эти полгода она ухлопала бы на вступление в профсоюз, вернее всего, совработников. Но в союз ее не принимали бы потому, что она еще не стала на работу, а на работу ее не пустил бы ни один местком, потому что она не состоит в союзе.

Она металась бы из стороны в сторону, просила бы, угрожала бы, клянчила бы, но в союзе только к апрелю было бы найдено разъяснение центра, по которому Весну приняли бы в союз. Но на работу Весна стала бы измочаленной, потрепанной и явно расположенной к мести.

2. Мало того, ее не зачислили бы в штат и дали бы ей очень маленькое содержание, ссылаясь на то, что службы-то у нее будет всего три месяца, а где-нибудь на юге—две-три недели. На севере ей сказали бы:

— Гражданка! Если мы платим Зиме за почти круглый год работы—и какой работы!—по 17-му разряду, то вам никак нельзя заплатить выше, чем по второму.

То же самое ей сказали бы и на Юге, ссылаясь в данном случае на Лето. Это наполнило бы сердце Весны жаждой мести в еще большей степени. Она разбросала бы столько флюсов, инфлюэнц и прочего, что даже докторам стало бы страшно.

3. Вмешательство Инспектора Охраны Труда потребовало бы трехсменной работы. Поневоле пришлось бы пригласить на помощь из Собеса Зиму и с Биржи Труда, покуда что безработица, Осень. Сначала, конечно, в работе были бы перебои: утренние часы забрала бы себе Зима, дневные—Осень, а ночные достались бы Весне. И только решительное вмешательство всех рабкоров урегулировало бы, по настоянию из Москвы, порядок смен: Весне досталось бы время с 8 утра до $4^1/_2$ вечера,—то-есть 8 часов, с получасовым перерывом на обед.

4. Вокруг Весны немедленно создалась бы маленькая походная канцелярия с машинистками, секретарями и прочим. Эта канцелярия занялась бы рассылкой срочных бумаг, вроде:

— Гражданину Дубу предлагается приступить к немедленному распусканию почек и покрыться листвою. Об исполнении немедленно донести.

Но, как и во всякой канцелярии, прежде всего засела бы дьявольская волокита, и бумажку о распускании почек Дуб получил бы, вернее всего, в ноябре. Правда, это было бы большим сюрпризом для ноября, но май был бы огорчен весьма и весьма сильно...

5. Потом началась бы путаница с засылкой грузов. Лентяи экспедиторы начали бы отправлять дожди в далекие от жилья степи, а солнце было бы заслано куда-нибудь в непроходимые лесные чащи. Потом ..

Потом можно фантазировать до бесконечности, вышивая самые разнообразные узоры на моей канве,—причем последним узором будет громадный показательный суд над жуликами, спекулировавшими солнцем, дождем, циклоном, антициклоном, и над растратчиками тех богатств, которые несет с собою Весна...

6. И не было бы у нас времени года—более страшного.

Евграф Дольский

ВЕСЕННИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Весна идет быстрыми шагами, о чем свидетельствуют получаемые со всех сторон сведения:

— Растаяли зимние надежды Германии на Лигу Наций.

— На всем протяжении Темзы вскрылись тайные замыслы Чемберлена.

— Зацвели в Болгарии полевые суды. Начался весенний рост виселиц.

— На проталинах в Латвии показались свежие бандиты и провокаторы.

— Начался весенний перелет французских аэропланов с бомбами в Сирию.

— Распустились розги у католических ксендзов.

— Налились кровью фашисты.

— Застрекотали японские пулеметы в Китае.

— Цветут мандарины в Манджурии. Мандарины также расцвели в Пекине.

— Запели сладко соглашатели.

— Зазеленели от злости Гогенцоллерны, узнав о результатах плебесцита.

— Набухли карманы американских банкиров.

— Подул свежий ветерок в голове белой эмиграции.

— Разлился в речах Бриан. Ожидается наводнение и сырость.

— Началась охота на коммунистов и комсомольцев в Венгрии.

— Захрюкали белогвардейские газеты.

— В европейских колониях готовятся к новому севу пуль.

В общем, весна обещает быть довольно жаркой...

Природовед **Д. Долев**

МАНУФАКТУРА К ПАСХЕ

Рис. Б. Антоновского

И видит од и пелены лежащие.
(Иоанн, 20,5)



— Нечего, нечего тут! Разойдись, которые! Уже воскрес...
— Так, батюшка римский воин, простынки-то остались! Дозвольте на простынки в очередь стать.

ОБЫВАТЕЛИ В МАЕ

Рис. В. Козлинского



— Посмотрите, какое огромное, стихийное, нескончаемое движение масс!.. *(После паузы)* Битый час иду рядом и никак не могу перейти на ту сторону улицы.

БЕЗ ВЕСНЫ

1

Пришла Весна. Пришла Красна.

Влетела зайчиками в окна, бюрократического сна разбила пыльные волокна, нагрела стулья горячей и на „входящих-исходящих“ рассыпала миллион блестящих, струящих золото лучей.

Со всеми перешла на „ты“...

Всех захлестнула с потрохами...

Помбух ударился в мечты.

Начканц заговорил стихами.

И даже—чувства развязав—с какою-то фривольной шуткой склонился ревматичный зав над прыщеватой ундервудкой.

2

Для умных—выводы просты.

Весной—все люди виноваты.

Весна бросает с высоты, смешав: прогулы и цветы, подлоги в книгах и мечты, порывы страсти и растраты.

Весной любой напиток—яд.

Весной все женщины—девицы.

И вот уже во-всю скулят доклады и передовицы:

— Как, мол, соблазнов избежим? Не скажем ли, бледны от страха: экономический режим поставлен под угрозу краха?

3

Пришла Весна. Пришла Красна.

В фиалках тонет колымага.

А одновременно бумага пришла—толкова и ясна:

— Мол, так и так, и через ять, на основании резонов, Весну немедленно изъять из государственных сезонов. Во избежание невзгод и в соответствии с декретом, отныне ограничить год Зимою, Осенью и Летом.

Помбух поник.

Начканц умолк.

И, не договоривши шутки, отпрянул зав от ундервудки, ревниво выполняя долг.

4

Был горизонт уныл и сер...

Зато в тот год Эс-эс-эс-эр не знал лирических исканий и не вздыхал, бросаем в дрожь, о недоступности калош и недостатке легких тканей.

И без волнения в крови прочел в коротенькой заметке, что где-то в Павловске—в беседке—повесился Божок Любви.

Лишь кто-то, смысла не лишен, черкнул в „Хозяйственных Моментах“:

— Что вот теперь вопрос решен о браке и об алиментах!

А. д'Актиль

ВРЕМЕНА ГОДА

— Весну он провел хорошо: кутил вдребезги. Но подумайте какой ужас: за одну весну ему дали десять лет!

НЕМНОГО БУХГАЛТЕРИИ

Свершает год извечный ход,
Меняя лик от мига к мигу...
Весна пришла! Ее п р и х о д
Вношу в бухгалтерскую книгу.

Но в горле скрип. Но в легких хрип.
А раз уж влип—такая мода!—
Как не вписать испанский грипп
В графу весеннего р а с х о д а?

И на полученный баланс
Взираю зло и обалдело:
— Весьма убыточное дело
Природы пышный ренессанс!

А. А. А.

ВЕСНА ЖИЗНИ

Рис. А. Радакова



— Мама мне подарила новую куклу. Теперь ты должен каждый день отдавать мне треть пирожного.

ГОРМОНЫ

Они встречались на заводе „Красный Кумач“ один раз в неделю.

Вместе им не было 50-ти лет. Они почти никогда не разговаривали: слишком заняты были оба, и если бы Бобышева спросили, какой цвет глаз у Доры и как звучит ее голос, он затруднился бы дать какой-либо положительный ответ.

Но в апреле, когда всюду чувствуется весна—и в кудрявых прозрачно-дымчатых облаках в небе, и в грохоте первых колес по мостовой на земле, и в пожилых дырявых галошах, напоенных вешней водой на ногах—Бобышеву пришлось ехать с Дорой в трамвае.

И так устроена жизнь, что, стоит только старой вертушке-земле подставить надлежащий бок солнцу, как в пробужденных деревьях начинают бродить соки, а в людях—кровь.

И кто-б ни был ты, друг-читатель, партийный или беспартийный, верный-ли сын живой церкви или член безбожного кружка, можешь ли ты, если ты не дошагал по своему жизненному пути до такой грани, когда весна для тебя только несколько лишних приступов ревматизма,—можешь ли, говорю я, упрекнуть Бобышева, что он вдруг заметил, что у Доры глаза синие, голос грудной, а волосы цвета спелой пшеницы?

И, странное дело, Бобышев вдруг уверился, что он всегда знал все это в Доре: и цвет ее глаз и волос, и низкий грудной тембр голоса, и даже матовую родинку на щеке, пониже левого глаза. Не будем, читатель, затягивать доклада: Бобышев полюбил Дору. Больше, товарищ-читатель, любовь эта была взаимной.

Есть, читатель, в человеке какие-то гормоны.

Мы не притворяемся учеными, читатель, но мы слышали, что от этих самых гормонов зависит работоспособность человека.

И (не удивляйся, читатель!) любовь влияет на эти гормоны.

Так и случилось.

Весна повлияла на кровь, кровь на любовь, любовь на гормоны, гормоны на голову, голова на работу Бобышева, работа Бобышева на мнение о нем.

— Гм! — сказал некто: — а Бобышев-то этот, оказывается, из молодых, да ранний: очень способный парень. Дайте ему докладик.

— Дора,—говорил Бобышев,—я не могу с тобой завтра итти на лекцию. Мне поручили доклад.

Дора вздыхала. И оттого, что вздыхала Дора и глаза ее становились темными, гормоны еще сильнее кипели в Бобышеве и работа шла еще продуктивней.

Расла любовь, расли и гормоны. И, как снежный ком, вокруг Бобышева наворачивалась нагрузка. И чем больше была нагрузка, тем меньше оставалось в Бобышеве места для любви.

Нагрузка повлияла на работу, работа на голову, голова на гормоны, гормоны на любовь.

— Гм!—сказал некто:—а Бобышев-то этот... тово... оказывается, работает неважно... Переутомился, должно быть... Разгрузите-ка его...

И Бобышева разгрузили.

— Бобышев,—говорила Дора,—пойдем сегодня в театр.

Бобышев вздыхал и отказывался, ссылаясь на работу.

Короче: Бобышев разлюбил Дору.

Потому что ушла весна, замолчали гормоны, пропал момент.

Бобышев даже иногда думает, что весна—мещанство.

И все?

Все, читатель. Может быть, до новой весны.

Р. Волженин

УПРАВДОМСКАЯ ВЕСНА

Рис. Н. Радлова



— Вот и лето скоро, Алексей Николаевич. Снова будет тепло, зацветет сирень, запоют соловьи...

— Да... И опять придется чинить канализацию, и снова в 24-м номере ставить фановую трубу...

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

1. ПОЭТ

Тридцать лет он живет на свете. Из них—пятнадцать лет пишет стихи. Пятнадцать вёсен воспето им, с добросовестностью истинного служителя Муз и Гонорара.

И вот пришла шестнадцатая весна, „выставила рамы“, „взяла свои права“—словом, проделала все, как по писанному.

И снова нужно писать о ней. Ужасно!

Подумать только, что эта дурацкая весна, эта избитая весна с заплеванными рифмами: „Весна—*красна*“, „сна“, „сосна“—будет приходить еще долгий ряд годов!

— „Не довольно ли, наконец?!“—злобно размышляет поэт. „Ах, если бы хоть один разочек она провалилась и не пришла совсем! О, тогда я знал бы, чтò написать! Это было бы ново—исчезновение весны, а новизна родила бы новые звуки“.

Но природа зла к поэтам: природа регулярно, из года в год, подкладывает им одну и ту же свинью—хоть тресни, а пиши!

Он шагает по улицам, неся в голове эту „Весну“, как собака колючку на хвосте, Он смотрит зверем—этот лирик.

— „Весна... сна... сосна... со сна... на!“...

Со злостью человека, который вынужден страдать, когда окружающие спокойно гуляют или идут по делам, он толкает прохожих и не думает извиняться.

— Шпана!—неожиданно слышит он по своему адресу,

И вдруг останавливается на мгновение, преображенный, снимает шляпу и кланяется:

— Спасибо! Вы меня выручили! Весна—шпана! Ах, чорт возьми—наконец, я нашел новую весеннюю рифму!

2. МУЗЫКА СЛОВ

Весеннее солнце ярким прямоугольником лежало на полу. За окном кричали воробьи и старьёвщик-татарин. Там была—пестрая весенняя жизнь, здесь—тишина, и в этой тишине—два человека, он и она.

Он нервно курил, не сводя с неё глаз.

— Ну? Ну, что ж вы молчите?—сказал он с волнением в голосе:—Да, или нет?

И, заметив в её лице смущение, поспешно прибавил:

— Впрочем, Роза, я не тороплю вас. Я готов немножко подождать. Разумеется, это—серьезное предложение, и вы захотите обдумать и посоветоваться, может быть, с мамашей. Но только... только успокойте меня, что я не имею конкурента...

— На этот счет можете быть спокойны,—сказала она уверенно:—Вы первый и пока единственный...

Он с жаром схватил её руку.

— Да? Но тогда почему же вы не решаете сразу? Разве вы мне не верите? Разве Семен Гиндин умеет не сдерживать слова? Когда я, придя вчера от вас, сказал себе: „она будет моей“—то это уже голос из сердца. Я же вижу, что вы согласны, но почему же медлите сказать одно маленькое „да“?

— Это так неожиданно...

— Неожиданно? Я же вам намекал вчера...

— Я не придала значения.

— Она не придала значения! Вы же смотрите, чтò на дворе: сплошной голос природы! Разве можно ждать, когда теперь это всем нужно? Нет! Я уже не могу. Я так на вас расчитываю! Если вы не согласитесь, тогда я самый несчастный на всей Виленской улице!

Она задумчиво глядела на золотистые пятна, медленно ползшие с пола на стену, потом перевела глаза на это мужественное лицо, охваченное желанием.

— Хорошо. Я согласна. Ваша!

Он вскочил, словно с иголки, и крикнул навстречу старушке, заглянувшей в комнату:

— Анна Абрамовна! Я её беру!!

— Да, мама. Я согласна. Он берет—всю штуку за триста пятьдесят. Деньги в два срока. Кроме того, он сошьет мне из этой же материи летнее пальто.

— Будьте уверены, — сказал он, — что дамский портной Гиндин Семен—так он умеет шить что-нибудь замечательное! Но теперь же такой материальный кризис! А слушайте,—когда вы ждете еще посылки?

3. УЖИ ВЕСЕННИЕ

Однажды (и притом, довольно давно!) я был ребенком. Неоспоримая улика передо мной. Это—старая, потрепанная, изъеденная временем и мышами хрестоматия, с её несуразными „ятями“, „*и* с точками“ и твердыми знаками.

На ней и посейчас сохранились следы моих хрупких прикосновений.

Вот три жирные кляксы и подпись: „Учиник I-ва класа“.

ТЮТЧЕВ ОБ ОТКРЫТИИ КУРОРТНОГО СЕЗОНА

Рис. Б. Малаховского



„Еще в полях белеет снег,—



а воды уж весной шумят...“

Вот попытка изобразить человека: этот царь природы вышел довольно-таки непривлекательным, с глупо вытаращенными глазами по одну сторону безлобого профиля.

Какой изумительно-правдивый портрет хулигана!

Под ним переводная картинка, изображающая невиданного в крестьянском хозяйстве зеленого коня (если бы еще змий!)— и пояснительная подпись;

„Лашатка“.

Перелистывая страницы, пробегаю стишки.

Нет! Постарел... Не трогает меня поэзия—ни козлик, ни птичка, ни тучка—ничто не трогает!

Ум отравлен ядом критики, и в глазах рябит от резвого бега „тараканов в тесте“.

Ну, вот. Как я переварю подобный „стишок“:

„Уж красавицы весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины“.

Какой-такой уж красавицы весны? И какого чорта, в самом деле, ужи только и делают, что подвертываются под-ноги поэтам!

И хочется сказать: „Нехорошо, т. Майков. Ваш стишок уж—в корзине“.

4. ПОСЕТИТЕЛЬ

Войти в кабинет, расположиться на директорском столе и мешать работе! Видали вы такую наглость?!

Директор сердито позвонил и, не отрываясь от бумаги, буркнул вбежавшему курьеру:

— Опять солнце! Сколько раз приказывал не впускать!

— Сейчас, Иван Егорыч,—приберу-с.

Курьер метнулся к окну, энергично задернул штору, и солнце, бедное весеннее солнце, оказалось грубо вытолкнутым на улицу.

Ибо сказано: „Без доклада не входить“.

Ив. Прутков



40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ВЕСЕННИЙ БУКЕТ

Хорошо весной! Солнышко светит... Листочки, почки разные... Цветочки опять же распускаются... Травка зеленеет... Высморкайтесь, дорогой читатель, и подышите свежим весенним воздухом. До чего приятно!..

А мы уже успели и цветов нарвать, первый весенний букетик связали и вам, дорогой читатель, от чистого сердца преподносим.

Понюхайте, сделайте одолжение!

НИЖНЕ-ВОЛЖСКАЯ ЛИЛИЯ

„Сар. Изв.“ пишут:

Комплексный метод преподавания в советской школе — метод очень приемлемый.

Сколько копий поломано в сражении с мелко-буржуазными течениями против комплекса, сколько пожгли дров под котлом этого легко усваиваемого варева, и вдруг с комплексным методом преподавания легко уживаются свиньи!

В Нижней Добринке, Камышинского уезда, заведующий районной школой Заулошнов в *помещении школы развел свинушник.*

В светлом и теплом классе школы прекрасно устроена свинья со всем своим выводком из 12 поросят. Когда поросята были еще несмышленышами — туда-сюда: комплексный метод кое-как уживался с ними. Но когда поросята выросли и обратились в боровов, — житья не стало. Завтраки школьников пожирались, книги при резвом поросячьем галопе рвались, тетради мокли в зловонной жидкости—словом, комплекс начал вянуть.

— Владимир Иванович! — жаловался один из учеников, —мне сегодня Васька (один из самых озорных поросят) кусок говядины из ноги вытащил.

— Владимир Иванович, мне шапку загадили...

— Ничего, ничего, детки,—басил Владимир Иванович,—*природу надо изучать в ее натуре*... На то он и комплекс...

По случаю „режима экономии“, рекомендуется Саратовскому Губоно не метать бисер педагогической науки перед дюжиной свиней. Весна в разгаре, а от школы Камышинской разит образцовым хлевом: даже „цветы жизни“ обижаются!

ВЛАДИМИРСКАЯ ПОЛЫНЬ

Не все цветочки рвать, иногда и травка содействует украшению букета.

В „Призыве“ читаем: —

Станция Петушки.
Через пять минут прибывает поезд.
У кассы сотня поссажиров.
— Билеты дают?
— Нет еще.
— Агента бы сюда! Он бы им!..

Появляется и агент; с ним дежурный по станции и даже сам начальник.

— Я сейчас распоряжусь, — виновато говорит начальник и дергает дверь кассы.

— Заперто... и изнутри. Там кто-то есть.

Начальник, отбив кулаки, отходит.

На сцену появляется топор. Несколько мощных ударов этого полезного орудия — и деревянная рама кассового оконца вылетает.

Перед начальником, дежурным, агентом, публикой, красуется лежащий на полу кассир. Он громко сопит и шевелит усами.

— *Пьян! — говорит агент.*

Публика соглашается.

Дверь вышибают. В будку влезает новый кассир.

Эх, горькая штука—полынь! Крепость всего 40°, а любого кассира с места свалить может...

Иностранцы на ней хорошую водку настаивают, а мы почему-то больше из хлеба гоним.

Следовало бы изжить этот предрассудок.

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Хороший цветок—Анютины глазки. Стыдливый. Скромный. Сидит себе на грядке и даже не пахнет:

Задумало правление клуба фабрики „Фридрих Энгельс“ устроить лекцию с туманными картинами на тему: „Быт женщины в производстве“. Договорились с *врачем женщиной* местной больницы, достали диапозитивы и назначили день.

Театр полон. Рабочие и работницы очень заинтересовались темой лекции.

Перед самым началом врач заявляет правлению клуба, *что если будут мужчины, то она читать лекцию не будет*

Вот так фунт!

В результате лекция в этот день была сорвана.

Стыдливая докторша. Ничего на поделаешь! Должно быть, и в больнице за нее сторожа больных мужчин осматривают.

А докторша только, в ведомости на жалованье самостоятельно расписывается.

СИБИРСКИЙ ПОДСНЕЖНИК

Место действия—мельница № 3 Минусинского мукомольного треста. Однажды утром рабочие и служащие мельницы получили приказ № 137-ой:

«Мною неоднократно замечалось, что рабочие и служащие мельницы № 3, имеющие скот и лошадей, уделяют чрезвычайно много внимания своему личному хозяйству и совершенно не обращают внимания на свое предприятие, занялись заботой о личном своем благополучии и хозяйственном обрастании, что чрезвычайно гибельно может отразиться на нашей хозяйственной производительности, а также у всех занявшихся своей хозяйственной обывательщиной заметна полная апатия к общественно-культурной, просветительной, профессиональной и политическо-воспитательной работе, что тоже является недопустимым и чрезвычайно нежелательным явлением среди рабочего класса...»

«Чтобы изжить указанные ненормальности и нежелательные явления, тормозящие поднятие производительности предприятия и интенсивности труда в среде нашего коллектива рабочих и служащих, настоящим приказываю:

— «Всем рабочим и служащим, имеющим коней, продать таковых, что же касается коров, то таковых разрешается держать по одной корове до 5 человек и по две коровы от пяти и более человек.

Не желающие подчиниться настоящему приказу, благоволите подать заявление об увольнении. Директор мельницы Семеновых. Счетовод А. Потехин».

К сожалению, до верстки весеннего номера „Смехача“ не удалось установить, чем закончился конфликт. На телеграфные запросы мельница № 3 не отвечает. Очевидно, все уволены, а „директор“ выехал для доклада в центр.

Дивная страна—Сибирь! В Сибири даже подснежники пахнут на весь СССР!!

ПАСХАЛЬНЫЙ ГИАЦИНТ

Гиацинт, как известно, растет в горшке, но мы, ассортимента ради, вынули его из горшка и приобщили к букету. Уж очень хорошо попахивает.

„Христос Воскресе!“

В селе Шилове, Баландинской волости, получили от шефа мешок литературы и обрадовались:

— Почитаем!

Потом стали разбирать литературу и нашли много „ценных“, главное, злободневных книг. Например: „*Христос воскресе, доблестные воины*“, *воззвание Керенского* за 17-й год и др. Это что-же, насмешка? („Сар. Изв.“)

Если мы обратимся к ботанике, то установим, что гиацинт— луковичное растение. Вместо обычного вида корней, у него так называемая луковица.

Означенные в заметке шефы напоминают гиацинт тем, что у них вместо обычного вида головы — хорошая луковица, величиной с голову.

А в остальном — „цветы культуры“, и даже пахнут в волостном маштабе.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ФИАЛКА

„Бакинский Рабочий“ рассказывает притчу о помдиректоре и ворах:

Сначала воры скромно делали свое дело. Таскали из главного магазина Техснаба Азнефти всякую дребедень вроде электрических лампочек и помнили свое место.

Администрация считала происходящее в порядке вещей и нисколько не волновалась.

Потом... потом с ворами что-то случилось. Безнаказанность ли окрылила их робкие души неидущей к делу смелостью, или им *особенно понравилась каракулевая шапка* помощника директора *Техсанба—только посягнули они на эту шапку.*

Исчезла.

Шапка.

Такое положение вещей, конечно, быть терпимым не могло. *Завхозу было постановлено на вид отсутствие надлежащей осмотрительности,* а сам помдиректора задумался о том, какие в будущем следует принять меры.

Скверно пахнет Азербайджанская фиалка! Хозобрастанием пахнет, чувством частной собственности и забвением интересов коллектива. Плохой аромат, что и говорить... Уж лучше бы пахло нефтью!

О РЕЖИМЕ ЭКОНОМИИ

Рис. Б. Антоновского



— Эге! — скажет читатель, поглядев на эту картинку: — жирно, ребятки, живете! На дачу, никак, выехали? Про этот самый, про режим экономии забыли!

Что вы, дорогой читатель! Какая там дача! Вы не смотрите на вывеску. Вывеску этот подлюга Надькин приволок. Для красоты пейзажа—говорит—пущай часок повисит.

— И самовары пузатые ставите!—опять придерется читатель:—И цыплята-курята тут у вас сплошь бегают!..

Честное слово, дорогой читатель,—не наш самовар—хозяйская штука. Нам такой самоварище и во сне не снился. Не верите—приходите убедиться в редакцию (Ленингр., Пр. 25-го Октября, 88) —нету у нас самовара, чайником питаемся.

— Ну, ладно. А цыплята к чему?

И цыплята никчему. Не наши цыплята, а так—сами по себе, свои собственные. А ежели один на ноге у Пруткова сидит, так больше из нахальства: насчет подметок рассуждает—мол, какие шикарные подметки. А на самом деле, и подметки не настоящие—Антоновский нарисовал. Настоящие-то, фактические подметки этим подметкам и в подметки не годятся. Жидкие. Экономические.

— А чего ж вы тут расселись и разleглись? — спросит дальше подозрительный читатель:— Почему это пузатый Флит—брюхом вверх, а кудрявый д'Актиль—вниз, а громоздкий, весь в волосьях, Радаков —торчком сидит, а с ног до головы худощавый Радлов — повис у него на спине, а небритый Антоновский с Надькиным интимничает? Что тут у вас такое за «Заговор императрицы»?

А вы прислушайтесь, читатель, к разговору. В текущую минуту предоставил себе слово Евлаша Надькин. Слушайте. Тссс!..

Надькин: Пиши, секретарь, и записывай... того-этого... Мол, пиши:

СПЕЦ ЭКОНОМ.

Радаков (хором): Правильно, милый! Здо́рово, милый! В точку, ми...

д'Актиль: Това̀! Вре—де. Эко́ ва сло.

Радлов: Пра! Под пред ор.

Что, дорогой читатель,—непонятно? Какой спец эконом? Что за язык?

А дело просто, как палец. Поясняем:

19-й № „СМЕХАЧА" ВЫХОДИТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ.

А на картинке — обсуждение этого номера на вольном воздухе.

А что выражаемся одними корешками слов, так это для экономии. Экономить, так экономить: и на деле, и на словах!

ПРИМЕЧАНИЕ: Тут, если всмотреться, кое-кого не хватает, напр., Р. Волженина. Но мы его нарочно не взяли—экономии ради. Зачем,—думаем—отнимать лишнее место у дорогого лона природы?

НА ДАЧУ!

В склепе в Мартышкине найдены три прекрасно сохранившиеся, ввиду исключительной сухости помещения, мумии. Мумии перевезены в Ленинград.
(«Кр. Газета»).

Рис. А. Радакова



— Вам чего, гражданин?
— Так что насчет дачки в Мартышкинском склепе! Главное, сухо там уж очень, говорят.

ОТДЫХ

Он проснулся от солнца. Оно ползло над рыжими крышами шестиэтажных домов, заглянуло в окно к Малоходову и припекло ему нос. Нос поморщился, Малоходов чихнул.

— Весна! — сказал Малоходов и сел на постели.

И оттого, что веселые зайчики солнечных бликов играли на обоях, Малоходову стало тошно.

Очень уж грязными показались ему обои, и очень ему, Малоходову, захотелось удрать из города.

А так как Малоходов чихнул громко, то проснулась и жена и, почесывая плечо, громко зевнула.

— Знаешь что, Зина?—сказал Малоходов,—хорошо бы поехать куда-нибудь... Ведь, скоро отпуск...

— Куда-ж ехать?—вздохнула жена.—Кишок не хватит...

Малоходов знал тоже, что не хватит кишок, но солнце светило ярко, весна глядела в окно голубыми глазами, и Малоходов всплеснул руками:

— Как не хватит?.. На дорогу-то хватит, а остальное пустяки... Почему бы, например, не поехать к тете Кате в Опочку?

— А удобно-ли? — неуверенным голосом спросила жена, так как весна, очевидно, действовала и на нее.

— Почему не удобно?.. К дяде Коле можно, в Бахмут... Хорошо, Зина! В самом деле, живем-живем, а никогда никого не навестим... Родственники, ведь, все-таки...

— Так-то так,—сказала жена,—да нынче родственников-то не очень любят... Кто их знает, родственников-то твоих...

И, поправив одеяло, добавила:

— Может быть, тетке моей написать, в Рязань?..

— Можно и тетке,— сказал Малоходов.—Писать надо, так сказать, с толком. Так, мол, и так: родственные чувства, давно не видались... Хочу-де использовать отпуск... Даже, знаешь, к себе позвать можно...

— Как к себе?—испугалась жена.

— Ну, не в самом деле, конечно, а из вежливости. Ну, суди сама, разве тетка твоя из Рязани соберется сюда?..

Малоходов захохотал.

— Тетка не соберется,—улыбнулась жена,—куда ей собраться. Она трамваев одних до смерти боится...

— Тогда вот что,—сказал Малоходов.—Я пишу письма в Опочку, в Рязань и Бахмут. И в Архангельск напишу, Сергею Палычу. Кто-нибудь да пригласит...

— Уж, конечно, кто-нибудь пригласит, — подтвердила жена, так как солнце весело заиграло на никелированном шарике кровати.

Малоходов сидел на службе и писал письма.

— Милая тетя!—писал Малоходов.— Мы очень просим вас к нам приехать, но, зная ваш преклонный возраст, не решаемся настаивать на этом. Желание повидаться с вами не остановит нас перед расходами, и если вы позволите, то мы в начале мая навестим вас.

— Дорогой дядя!—писал Малоходов.—Катайте-ка к нам в Москву! Впрочем, если ваш ревматизм не позволит вам этого, то мы не остановимся перед расходами и посетим вас...

Малоходов заслюнил конверты, наплевал на марки и отправил письма спешной почтой.

— Я, все-таки, предпочла бы Бахмут,—говорила жена, примеряя новую „дорожную“ кепку.—Юг, все-таки...

— Ну, и Архангельск ничего,—говорил Малоходов.— Я давно мечтаю о Белом море... Двина, говорят, красавица прямо. а не река...

И оба мечтательно вздыхали.

Ответные письма пришли в один день.

— Дорогой племянник!—писал дядя.—Очень благодарен за приглашение, но приехать не могу. Не смею и тебя отрывать от партийных дел государственной важности. Однако, направляю к тебе Зою и Сему. Устрой их. Тебе, вероятно, раз плюнуть... Они выезжают завтра.

— Милые!—писала рязанская тетка.—Еду, еду, еду. Бог вас простит, что вы партийные, а иконку уж я в той комнате, где буду жить, повешу на кровати Не судите старых, привычка. Ежели, впрочем, будут приходить комиссары ваши, то можно и снимать будет: бог не осудит...

Архангельский дядя Сергей Палыч прислал открытку с портретом Маркса и краткой надписью:

— Едем!...

— Какой же ты партийный!..—плакала жена.—Назвал на свою голову!..

— Знаешь... я думал скорей позовут, — растерянно сказал Малоходов:—люди они старинные, боятся всего... Ну, я и бухнул, будто в партию вступаю...

Малоходов поднял голову, взглянул на солнце на синее небо и злобно выкрикнул:

— Сволочь!..

Н. Е. Красов

ВЕСЕННЕЕ

Грипп
И хрип
Плюс —
Флюс
Рвет десну.
Нет, весну —
Не стерплю-с!
Плачу всхлип.
Ну и влип,
Н-дас-с!
Не до грез,
Не до роз,
Пасс!
В долг залез,
Нет
Монет,
На починку телес —
Нету!
Хорошо если б внес
И меня Откомхоз
В смету?!

Мих. Андреев

ВЕСЕННЕЕ ЛЕГКОМЫСЛИЕ

Я опять во власти мая,
Жизнью взят в круговорот.
Встречным руки пожимая,
Улыбаюсь во весь рот.

Ах, к чему нам ставить точки
Над давно изъятым і!
Буйно лопаются почки,
Скоро грянут соловьи.

В сердце новые надежды
И, как водится к весне,
По кредиту Гос-одежды
Брюки новые на мне.

Ожидаю в сквере жидком,
Беззастенчиво влюблен,—
Полон этим пережитком
Всех народов и времен.

Все невпрок—примеров сотни,
Горький опыт, мудрость книг,—
Мы идем всего охотней
В этот солнечный тупик.

Я мечтатель, а не плакса,
И меня, клянусь теперь,
Не пугает даже загса
Ироническая дверь...

Дм. Цензор

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ

Наступила весна...

Распустились почки, у телеграфиста Жучкина появилось 18 новых прыщей на подбородке и наш кассир Филипп Филиппович вдруг перестал ходить в игорный клуб и начал душиться одеколоном „Тежэ".

Однажды, управдел, после доклада, говорит вскользь директору:

— Наш Филипп Филиппыч-то больше не играет!

— Не может быть!—удивляется директор.

— Ей-богу, т.-е. честное слово! Влюбился!

— Гм... странно! Впрочем, отчего-же—возможно. Он человек молодой, и если бы не нос... Я сам лет 15 назад...

А Филипп Филиппыч, в самом деле, вторую неделю не ходит в клуб, его растрата замерла на 160 рублях—и ни с места! Вся канцелярия следит за ним и шепчется:

— Не растрачивает!

Барышни-машинистки, вдыхая аромат весны и пудры, хвастливо сообщают знакомым кавалерам:

— А у нас на службе кассир не растрачивает! Честное слово!

Кавалеры стараются недоверчиво улыбнуться и завидуют: у них-то кассиры самые обыкновенные!

Старые почтенные счетоводы, глядя на своих старых почтенных счетоводш, шепчут испуганно:

— Слыхала? Наш Филипп Филиппыч—без растрат нынче! Ей-богу! Мир перевернулся!

— Господи!

И даже счетоводские и управделские дети, играя в саду с грязным песочком, сообщают товарищам.

— А у нас кассил не ластлачивает денеськи.. Ага! Не ластлачивает... А у вас?

Их товарищи, дети других канцелярий, надувают щеки от обиды и зависти и пытаются поразить хвастунишек своей сенсацией:

— А насего папу тламвай пелеехал! Ага!

Управдел, у которого весна играет на лысине и на стеклах очков, шопотом сообщает директору:

— Хотите--верьте, хотите--нет, но не растрачивает! Сам видел: вчера вышел со службы—и шасть через улицу, а там у витрины Винторга его ждет этакое весеннее существо.

— Алиментами пахнет? — подмигивает директор.

— А пускай!—беспечно машет рукой управдел. — Лишь бы растраты не было, а алименты—семейное дело, нам что! А предохранитель от растрат прекрасный!

Директор рассеянно ловит рукой моль и мямлит:

— Надо бы поощрить... Пособие, что-ли, какое-нибудь выдать: на одеколон там, карамельки разные преподнести, цветочки, кинематограф. . Наша обязанность поддерживать в служащих эту самую... нравственность...

— Это можно, — соображает управдел, в обязанности которого входит сообразительность,—можно выдать под отчет, авансом, на устройство семейных дел: дача, детишкам пальто, болезнь тетушки, зубной врач...

Филипп Филиппычу выдают, к его удивлению, двести рублей.

— Осенью отчитаетесь,—благосклонно треплет его по плечу управдел,—хе-хе-хе...

Иногда в приемную канцелярии, где часами сидят мрачные просители, вдруг влетает неземное существо, пахнущее весною, Коти и Филипп Филиппычем. И тогда вся канцелярия вдруг начинает ходить в уборную, расположенную против приемной, заглядывает в притворенную дверь и улыбается гордо:

— Она!

Все знают, что это та, которая поддерживает честь канцелярии, спасая Филиппа Филиппыча от растраты..

Но вот, однажды ночью, у директора на квартире трещит телефон.

— Алло!—сонно бросает директор в трубку. Какого чорта?

В трубку раздается щелканье.

— Ш... щ... я.. ш-ш-ш.. ща-ща-ща...

И затем вздыхающий голос тихо говорит:

— Товарищ Серобрюхин... И... Иван Данилыч.. Это—я Филипп Филиппыч Жматенко... Я того... Извиняюсь... растратил... немного..

— Пустяки,—мямлит директор,—на одеколон не хватило? Поди, 50 - 60 монет? Завтра сговоримся... Ложитесь спать!..

Опять щелканье.

— Ш.. щ... ща-ща-ща.. Извиняюсь, у меня... шесть тысяч рас... растрата... 6.105 рублей 79 копеек! Арестуйте меня! Она из меня все высосала, ежедневно: автомобили, ужины, духи, шляпы, портниха, целые оранжереи цветов рояль Беккера, со... собачка...

— Какая со-собачка? — машинально спрашивает директор.

— А чорт ее знает! Премированная, 370 рублей без ошейника!.. Я... за-застрелюсь!

Директор вешает трубку и закрывает окно:

— Собачья весна! Дует, холод, белые ночи— чорт бы их побрал!

Не верьте, читатель, кассирам весной.

Э. Гард

ВЕСНУШКИ

1. Не верь людям, когда они говорят, что соловушки появляются весной. Это— ложь: Соловки существуют круглый год.

2. Первая пара валенок, выданная, как спецодежда, не делает еще весны.

3. Если весной спец занимает высокий пост, а осенью слетает с него, не называй такого спеца перелетной птицей.

4. Если врач найдет у тебя грипп, можешь смело отдать ему третью часть за находку.

М. К-ий

МАНУФАКТУРНОЕ

(Естественное решение вопроса)

Найдя решение вопроса,
Я жду развития весны,
И—обеспечены штаны
Дешевле, чем по гривне с носа.
Когда покажется листва
На оживающих березах,
Друзья, забудем о морозах
И, как один — на острова!
Из зеленеющих листков
Сошьем, вдыхая воздух майский,
Пусть легкомысленный, но райский
Костюм, воздушней облаков.
И, не смущаяся ничуть,
Что, видя зелень, по привычке
На нас садиться будут птички, —
Мы поспешим в обратный путь!
И будет прост и величав
Триумф наш, что ни говорите,
Когда туземцами Таити
Вернемся, кудри увенчав.
Так, презирая процедуры
Стояний в трестовском хвосте,
Мы и в березовом листе
Найдем запас мануфактуры!

Яков Годин

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются

21. *Джанкой, Е. Чубу.* «Я отлично могу рисовать. Даже можете справиться: все вывески у нас в городе—моей работы».

Чуб, возьмите себя за чуб и оттащите подальше от нашего журнала!

22 *Гомель, А. Сок—вой.* Вы пишете:

«У администратора иного
Дела не клеются никак,
И распоряжения простого
Не проведет и не поймет!»

Допустим, это—правда. Но дальше:

«И резолюцию положит,
Что надо в обморок упасть".

С этим не согласны: нет такого администратора, который предписал бы падать в обморок.

23. *Курск, Кижичу.* Ваша «Путаница пойдет в специальном жел.-дорожном номере в 1927-м году.

ВЫНУЖДЕННОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

Юримово, Пск. губ., В. Виноградову. (И всем другим, если подобные найдутся!).

«В № 13 „Смехач" апрельский (*пишет черным по белому В. Виноградов*) на последней странице напечатано, что всем подписчикам дается 20 бесплатных премий. Каким? Тем, которые записались на больший срок? Как понимать?»

Как понимать?!

Уважаемые читатели! Как понять людей, которые первоапрельскую шутку, помещенную в *специальном первоапрельском* номере принимают всерьез?! И что нам ответить В. Виноградову? Посоветуйте!

Может быть, разъяснить, что-мол — премии будут выданы только лицам, представившим с места службы удостоверение в том, что они родились без головы и совершенно круглыми?

Так ведь представит же! Обязательно представит!.. С печатью и подписью!...

Помогите! Караул!!!

Ив. Пр.

Издатель „ГУДОК". Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 15696. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2593. Тираж 80.000

ДЕТИ—ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

(ВЕСЕННИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Рис. Н. Радлова



Подорожник.



Кувшинка.



Обдуванчик.



А этот цветочек... Впрочем, это не цветочек, читатель. Это уже ягодка.